

Вася Никудыкин ударил себя по впалой груди кулаком и сказал:

– К черту стыд, который мешает нам установить истинное равенство полов!.. Долой штаны и долой юбки!.. К черту тряпки, прикрывающие самое прекрасное, самое изящное, что есть на свете, – человеческое тело!.. Мы все выйдем на улицы и площади без этих постыдных одежд!.. Мы будем останавливать прохожих и говорить им: «Прохожие, вы должны последовать нашему примеру! Вы должны оголиться!» Итак, долой стыд!.. Уррррра!..

– И все это ты врешь, Никудыкин. Никуда ты не пойдешь. И штанов ты, Никудыкин, не снимешь, – сказал один из восторженных почитателей.

– Кто? Я не сниму штанов? – спросил Никудыкин упавшим голосом.

– Именно ты. Не снимешь штанов.

– И не выйду голым?

– И не выйдешь голым.

Никудыкин побледнел, но отступление было отрезано.

– И пойду, – пробормотал он уныло, – и пойду...

Прикрывая рукой большой синий чирий на боку, Никудыкин тяжело вздохнул и вышел на улицу.

Накрапывал колючий дождик.

Корчась от холода и переминаясь кривыми волосатыми ногами, Никудыкин стал пробираться к центру. Прохожие подозрительно косились на сторбленную лиловую фигуру Никудыкина и торопились по своим делам.

«Ничего, – думал отважный Никудыкин, лязгая зубами, – н... н... иче-го... погодите, голубчики, вот влезу в трамвай и сделаю демонстрацию! Посмотрим, что вы тогда запоете, жалкие людишки в штанах!..»

Никудыкин влез в трамвай.

– Возьмите билет, гражданин, – сказал строгий кондуктор.

Никудыкин машинально полез рукой туда, где у людей бывают карманы, наткнулся на чирий и подумал: «Сделаю демонстрацию».

– Долой, это самое... – пролепетал он, – штаны и юбки!

– Гражданин, не задерживайте вагон! Сойдите!

– Долой тряпки, прикрывающие самое прекрасное, что есть на свете, – человеческое тело! – отважно сказал Никудыкин.

– Это черт знает что! – возмутились пассажиры. – Возьмите билет или убирайтесь отсюда!

«Слепые люди, – подумал Никудыкин, отступая к задней площадке, – они даже не замечают, что я голый».

– Я голый и этим горжусь, – сказал он, криво улыбаясь.

– Нет, это какое-то невиданное нахальство! – зашумели пассажиры. – Этот фрукт уже пять минут задерживает вагон! Кондуктор, примите меры!

И кондуктор принял меры.

Очутившись на мостовой, Никудыкин потер ушибленное колено и поплелся на Театральную площадь.

«Теперь нужно сделать большую демонстрацию, – подумал он. – Стану посередине площади и скажу речь. Или лучше остановлю прохожего и скажу ему: прохожий, вы должны оголиться».

Кожа Никудыкина, успевшая во время путешествия переменить все цвета радуги, была похожа на зеленый шагреневый портфель. Челюсти от холода отбивали чечетку. Руки и ноги скрючились.

Никудыкин схватил пожилого гражданина за полу пальто.

– П...п... прохожий... вввввв... долой... вввввв... штаны... вввввв...

Прохожий деловито сунул в никудыкинскую ладонь новенький, блестящий гривенник и строго сказал:

– Работать надо, молодой человек, а не груши околачивать! Тогда и штаны будут. Так-то.

– Да ведь я же принципиально голый, – пролепетал Никудыкин, рыдая. – Голый ведь я... Оголитесь, гражданин, и вы... Не скрывайте свою красу...

– А ты, братец, работай и не будешь голый! – нравоучительно сказал прохожий.

Никудыкин посмотрел на гривенник и заплакал. Ночевал он в милиции.